

НАУШНИКИ

Мы с Никитой совершенно разные. Мой папа как-то сказал про нас — «лёд и пламень». И я обиделся. Потому что понятно же, кто из нас пламень получается. А я, его родной сын, выходит — лёд, что ли?!

У нас общего — только замечания в дневнике. Количество. А вот качество разное. Мне пишут одно и то же: «Не слышит учителя!», «Витает в облаках», «На уроке присутствует чисто физически». Это, конечно, физичка написала. А потом географичка у неё собезьянничала и написала — «присутствует чисто географически». Я вот жду такого же остроумия от математика. С них станется друг у друга списывать изо дня в день. У меня иногда чувство возникает, что они через мой дневник друг с другом перемигиваются.

А вот у Никиты! «Принёс в школу живого ужа», «Поджёл библиотечную книгу». Или вот, последнее: «Прилепил мышь жвачкой к потолку. И в процессе объяснения нового материала она упала на учителя». Мышь, конечно, игрушечная была. Но похожая!!! Конечно, он думал — кто-то из наших будет у доски отвечать. А Маргарита ходит там, ходит, объясняет, объясняет. А мышь — болтается, болтается...

О, что было!!! К директору вызывали, конечно.

А директор наш дверь закрыл и там ему потихонечку говорит: «Кукушкин! Всё прощу. Только объясни — как ты это сделал!» По крайней мере, Никита так потом рассказывал.

Ну вот, а ещё мы ходим в музыкалку. Только я играю на виолончели, а Никита — ударник. Барабаны, значит, и ксилофон. Вот теперь вам, наверное, окончательно всё ясно.

Мы учились в одном классе шесть лет и абсолютно не замечали друг друга. То есть это он не замечал — меня вообще мало кто замечает. А его! Он так устроен — только заходите в класс и сразу видите его. Его светлую растрёпанную голову и жёлтый свитер. «Кукушкин!» — «Я!» — отвечает он и выходит к доске на руках. И наша новенькая физичка внимательно его

слушает и не моргнув глазом ставит пятёрку. И спрашивает ещё: «Тоже перевёрнутую ставить?..»

А про наш класс так говорят: «Седьмой „Б“ — это тот, в котором Никита Кукушкин?»

Так вот, однажды мы с нашим оркестром поехали на гастроли. Настоящие гастроли! В Новгород. На три дня. И нас поселили с ним в один номер. Все как-то договорились заранее, кто с кем будет жить, а я — нет. Мне было всё равно. Потому что у меня никогда не было друга. А у Никиты — наоборот! Миллион друзей. И каждый подумал, что Никита поселится с кем-то другим. И потому он тоже остался без соседа.

Ну, нас и поселили вместе. Всё-таки одноклассники.

— С кем ты? — спросила меня Лёлька. Она тоже из нашего класса, нас трое в оркестре из нашего. — Что?! С Никитосом?! Ну ты попал!

И я вдруг обиделся. Во-первых — почему это я «попал»? А во-вторых — за «Никитоса». Потому что мне нравилось, как звучит имя «Никита». Просто и крепко. Говоришь — будто орех перекатываешь за щекой: Ни-ки-та. Согласные — как сухие полешки. Как ксилофон. Ему подходит, он ударник. Никита Кукушкин, па-парам, там-тирам. Будто барабан и тарелочка. А у меня вот дурацкое имя. Пустое какое-то.

Короче говоря, Никита взял карточку-ключ от комнаты и пошёл вверх по лестнице. Хорошо ему — палочки барабанные в рюкзак, и вперёд! А я тащусь со своей виолончелью... В общем, он первым открыл дверь. И сразу, прямо в кроссовках, рухнул на кровать. И заорал:

— Темницы рухнут, и свобода! Нас! Примет! Радостно! У входа!!!

— И братья ключ нам отдадут, — пробормотал я.

— Чего? — удивился Никита. И спросил: — Ты откуда это знаешь?

Я почему-то смутился.

— Ну... Не знаю. Стихи. Это все знают, разве нет?

И добавил:

— Ключ отдай — без него свет не включается!

— Слушай, Оська, а ты, похоже, ничего чел!

Оська. Вот оно, моё имя. Мой ужас. Ося. Одна согласная — и та никакая. Приходится обязательно добавлять «к». Но тут я как-то забыл, что имя у меня некрасивое.

Никита вставил карточку, и стало светло.

Мы проболтали с ним всю ночь. Его ждали в семи местах — играть в карты, травить анекдоты, ходить по гостинице и подсовывать нашим под дверь

дурацкие записки. Но опять вышло то же самое — все думали, что он с другими. И за ним даже никто не зашёл.

И хорошо, что не зашли.

Только я сам не понял... Как можно было вот этому человеку... Вот этому лохматому Никите-барабанщику рассказать то, чего я раньше никому не рассказывал. Я вроде бы и не хотел никогда рассказывать, а оказалось — хотел. Очень. Причём всякую ерунду.

Что мы дружили до школы с Лёлькой Погореловой, которая сейчас и не здоровается со мной. Хотя мы соседи. Что мы с ней копали вместе червяков и ловили жуков. Теперь, конечно, странно предположить, что длинную Лёльку в вечных уггах с какими-то блестящими штуками когда-то интересовали червяки.

— Что, прямо в руки брала? — восхищался Никита.

— Ну да... Она первая и брала! И в карманах домой таскала!

— Ух ты... Лёлька, надо же!

...Ну и Никита мне рассказал то, чего никому никогда не рассказывал. Про ту же самую Лёльку. Я обещал, конечно, что — никому. Ну и вам поэтому

тоже не расскажу. Надо же, Лёлька. Вот бы никогда не подумал.

А ещё я показал ему свои стихи. Вот тоже не думал, что кому-то когда-то покажу.

И он... В общем, я знал, что он не будет смеяться. Сразу понял. Но он ещё сказал:

— Надо же... А ведь не ужасные стихи. Ты, Оська, похоже, прямо поэт!

...Утром мы проспали завтрак. Нас разбудил звонок валторниста Кольки Солнцева: «Вы что! С ума сошли! Выезд на репетицию через пять минут!»

Ну, я джинсы натянул, и мы помчались. А Никита вообще спал не раздеваясь.

И я молчал и думал: что, что теперь будет? Посмеётся он надо мной или нет? Над моими стихами, и вообще... Скажет другим? Не скажет?..

У автобуса толпились наши:

— Кукушаныч, садись с нами! Никитос, к нам давай! Ты где вообще тусил вчера?..

А Никита спокойно шлёпнул каждому по ладони и вдруг сказал:

— Не, я вот с Оськой сяду.

Так у меня появился друг.

И я неожиданно оказался с ним везде-везде, и со всеми тоже — мы на гастролях много тусовались. И я с удивлением обнаружил, что мне с людьми хорошо. А я всегда думал, что мне, кроме книжек, никто не нужен.

И плевать было даже на новую куртку, которую мне прожгли сигаретой. Но мама потом плакала. Говорила, что я весь пропах дымом. Что вот, дедушка дымил как паровоз и умер молодым. И не верила мне, что я не курил (хотя это правда).

...А вот Никите сразу поверила. Я, честно говоря, был уверен: наша дружба — на три дня. Только на эту поездку. Потому что так не бывает: что уж такого во мне интересного, чтобы Никита Кукушкин со мной дружил? Ему вон всех всегда мало. А я... Что уж во мне такого особенного, чтобы ему не надоест? Приедем домой — и привет.

После гастролей я заболел, конечно. Сразу же. Я вообще очень легко болеваю, даже с удовольствием. Лежал себе и читал с планшета всё подряд.

А вечером в дверь раздался звонок. И я услышал неожиданное:

— А Оська дома?..

Никто раньше так не спрашивал. Я вообще-то далеко живу от школы, семь остановок на троллейбuse.

А Никита приехал.

— Адрес? У Погореловой спросил, конечно! Ты же сказал — вы соседи. — И он поставил в угол свои ролики.

А потом пошёл на кухню очаровывать мою маму.

И мама очаровалась.

— Надо же, Оська. Вот не думала, что ты можешь подружиться с таким интересным мальчиком.

Не думала она. Думала, конечно, что её сын — так, аппарат для поглощения борща.

А потом мы с Никитой придумали группу. Когда он узнал, что у меня гитара есть и что я немного играю.

— О, камрад!!! Забацаем что-нибудь, а, Оська? Перевернём умы. Зажжём с тобой! Чего ты — давай!

И мы дали. Я за неделю научился довольно неплохо на гитаре этой. А Никита, оказалось, играет на клавишах очень прилично. Он раздобыл где-то синтезатор — даром отдали какие-то друзья отца. Жуткий зверь, а не синтезатор. У этого престарелого мастодонта не работало несколько клавиш, но Никита как-то обходился без них. И музыку к нашим песням писал он. Надо же, оказалось, к моим

стихам можно музыку. Из них можно — песни. И ещё оказалось, что от музыки, Никитиной музыки, они стали не хуже. Даже, может, и лучше.

Мама, конечно, немного переживала, что я забросил виолончель. Но Никита заверил её, что игра на гитаре «очень развивает гармоническое мышление».

К тому же в одной песне мы вставили виолончель. То есть я там бросаю свою гитару и устраиваю такой виолончельный запил... Самому нравится. Я такого на виолончели никогда не играл и не слышал ни у кого. А Никита там только подыгрывает мне тихонько на тарелочке. Пока на синтезаторной, а потом будет на настоящей. Здорово так — моя виолончель и его тарелочка. Это моя любимая песня, про Лётчика Экзюпери. Я долго боялся эти стихи Никите показывать, думал, он смеяться будет. Ну и вообще, не хотелось, чтобы он его трогал, Лётчика моего, музыку там сочинял... Казалось, испортит. А Никита прямо им заболел. И потом примчался ко мне — и, не снимая куртки, сразу за клавиши. И показал. И оказалось — вообще!.. Сумасшедше здорово. Не думал, что из моих стихов можно такое сделать, настоящее. Да и соло виолончельное там отличное получилось.

В общем, Никита считал, что Лётчик Экзюпери — это самая наша хитовая песня. Бомба, говорил.

А потом произошла и вовсе невозможная вещь.

Я вышел за хлебом, а когда вернулся, услышал на кухне Никитин голос. Мама всё восхищалась, что он, ударник, так здорово на синтезаторе играет. А он ей говорит:

— Да что вы, в самом деле. Ваш Оська в сто раз талантливее меня. Что там я — просто знаю несколько аккордов. И перебираю их. За полгода можно выучиться. А вот Оська... Вы хоть стихи его видели? Да вы что! Такие стихи — вообще!!!

И тут он увидел меня. Мои раскрытые от ужаса глаза. И он улыбнулся широко и сказал:

— Ой, камрад... Похоже, я тебя заложил... Извини.

Знаете, что в этом невозможного?.. Что я на него не обиделся. Вообще. Не могу на него обижаться. То есть... То есть я тогда думал, что не могу.

Есть у нас такой человек — Гиреев. Человек этот... В общем, если честно — я бы хотел, чтобы его вовсе не было. Вообще не было — таких, как он. Особенно когда я увидел, как он Мансура ткнул головой